



Леонид Андреев

Жизнь Человека

«Public Domain»

1906-1908

Андреев Л. Н.

Жизнь Человека / Л. Н. Андреев — «Public Domain», 1906-1908

«Некто в сером, именуемый Он, говорит о жизни Человека. Подобие большой, правильно четырехугольной, совершенно пустой комнаты, не имеющей ни двери, ни окон. Все в ней серое, дымчатое, одноцветное: серые стены, серый потолок, серый пол. Из невидимого источника льется ровный, слабый свет — и он так же сер, однообразен, одноцветен, призрачен и не дает ни теней, ни светлых бликов. Неслышно отделяется от стены прильнувший к ней Некто в сером...»

Содержание

Пролог	5
Картина первая	7
Разговор старух	8
Разговор родственников	13
Картина вторая	15
Разговор соседей	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Леонид Николаевич Андреев

Жизнь Человека

Пролог

Некто в сером, именуемый **Он**, говорит о жизни Человека. Подобие большой, правильно четырехугольной, совершенно пустой комнаты, не имеющей ни двери, ни окон. Все в ней серое, дымчатое, одноцветное: серые стены, серый потолок, серый пол. Из невидимого источника льется ровный, слабый свет – и он так же сер, однообразен, одноцветен, призрачен и не дает ни теней, ни светлых бликов. Неслышно отделяется от стены прильнувший к ней Некто в сером. На Нем широкий, бесформенный серый балахон, смутно обрисовывающий контуры большою тела; на голове Его такое же серое покрывало, густою тенью кроющее верхнюю часть лица. Глаз Его не видно. То, что видимо: скулы, нос, крутой подбородок, – крупно и тяжело, точно высечено из серого камня. Губы Его твердо сжаты. Слегка подняв голову, Он начинает говорить твердым, холодным голосом, лишенным волнения и страсти, как наемный чтец, с суровым безразличием читающий Книгу Судеб.

– Смотрите и слушайте, пришедшие сюда для забавы и смеха. Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, с ее темным началом и темным концом. Доселе небывший, таинственно схороненный в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем, – он таинственно нарушит затворы небытия и криком возвестит о начале своей короткой жизни. В ночи небытия вспыхнет светильник, зажженный неведомой рукою, – это жизнь Человека. Смотрите на пламень его – это жизнь Человека.

Родившись, он примет образ и имя человека и во всем станет подобен другим людям, уже живущим на земле. И их жестокая судьба станет его судьбою, и его жестокая судьба станет судьбою всех людей. Неудержимо влекомый временем, он непреложно пройдет все ступени человеческой жизни, от низу к верху, от верху к низу. Ограниченный зрением, он никогда не будет видеть следующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его; ограниченный знанием, он никогда не будет знать, что несет ему грядущий день, грядущий час – минута. И в слепом неведении своем, томимый предчувствиями, волнуемый надеждами и страхом, он покорно совершит круг железного предназначения.

Вот он – счастливый юноша. Смотрите, как ярко пылает свеча! Ледяной ветер безграничных пространств бессильно кружится и рыскает, колебля пламя, – светло и ярко горит свеча. Но убывает воск, съедаемый огнем. Но убывает воск.

Вот он – счастливый муж и отец. Но посмотрите, как тускло и странно мерцает свеча: точно морщится желтеющее пламя, точно от холода дрожит и прячется оно. Ибо тает воск, съедаемый огнем. Ибо тает воск.

Вот он – старик, больной и слабый. Уже кончились ступени жизни, и черный провал на месте их, – но все еще тянется вперед дрожащая нога. Пригибаясь к земле, бессильно стелется синеющее пламя, дрожит и падает, дрожит и падает – и гаснет тихо.

Так умрет Человек. Придя из ночи, он возвратится к ночи и сгинет бесследно в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем. И Я, тот, кого все называют Он, останусь верным спутником Человека во все дни его жизни, на всех путях его. Не видимый Человеком и близкими его, Я буду неизменно подле, когда он бодрствует и спит, когда он молится и проклинаяет. В часы радости, когда высоко воспарит его свободный и смелый дух, в часы уныния и тоски, когда смертным томлением омрачится душа и кровь застынет в сердце, в часы побед и поражений, в часы великой борьбы с непреложным – Я буду с ним. Я буду с ним.

И вы, пришедшие сюда для забавы, вы, обреченные смерти, смотрите и слушайте: вот далеким и призрачным эхом пройдем перед вами, с ее скорбями и радостями, быстротечная жизнь Человека.

Некто в сером умолкает. И в молчании гаснет свет, и мрак объемлет Его и серую пустую комнату.

Опускается занавес

Картина первая

Рождение человека и муки матери

Глубокая тьма, в которой все неподвижно. Как кучка серых притаившихся мышей, смутно намечаются серые силуэты Старух в странных покрывалах и очертания большой высокой комнаты. Тихими голосами, пересмеиваясь, Старухи ведут беседу.

Разговор старух

– Хотелось бы мне знать, что родится у нашей приятельницы: сын или дочь?

– А разве вам не все равно?

– Я люблю мальчиков.

– А я люблю девочек. Они всегда сидят дома и ждут, когда к ним приходишь.

– А вы любите ходить в гости?

Старухи тихо смеются.

– Он знает.

– Он знает.

Молчание.

– Приятельнице нашей хотелось бы иметь девочку. Она говорит, что мальчики слишком буйны нравом, предприимчивы и ищут опасности. Когда они еще маленькие, они любят лазить по высоким деревьям и купаться в глубокой воде. И часто падают и часто тонут. А когда становятся они мужчинами, они устраивают войны и убивают друг друга.

– Она думает, что девочки не тонут. А я много-таки видела утонувших девочек, и были они, как все утопленники: мокрые и зеленые.

– Она думает, что девочек не убивают камни!

– Бедная, ей так тяжело рожать. Вот уже шестнадцать часов сидим мы здесь, а она все кричит. Сперва она кричала звонко, так что больно было ушам от ее крика, потом тише, а теперь только хрипит и стонет.

– Доктор говорит, что она умрет.

– Нет, доктор говорит, что ребенок будет мертвый, а она сама останется жива.

– Зачем они рожают? Это так больно.

– А зачем они умирают? Это еще больнее.

Старухи тихо смеются.

– Да. Рожают и умирают.

– И вновь рожают.

Смеются. Слышен тихий крик страдающей женщины.

– Опять началось.

– У нее снова появился голос. Это хорошо.

– Это хорошо.

– Бедный муж: он так растерялся, что на него смешно смотреть. Прежде он радовался беременности жены и говорил, что хочет мальчика. Он думает, что сын его будет министром или генералом. Теперь он ничего не хочет, ни мальчика, ни девочки, и только мечется и плачет.

– Когда у нее начинаются схватки, он тужится сам и краснеет.

– Его послали в аптеку за лекарством, а он два часа ездил мимо аптеки и не мог вспомнить, что ему надо. Так и вернулся.

Старухи тихо смеются. Крик становится сильнее и замирает. Тишина.

– Что с нею? Быть может, она уже умерла?

– Нет. Тогда бы мы услышали плач. Тогда вбежал бы сюда доктор и стал бы говорить пустяки. Тогда бы внесли сюда ее мужа, потерявшего чувство, и нам пришлось бы поработать. Нет, она не умерла.

– Тогда зачем же мы здесь сидим?

– Спросите у Него. Разве мы знаем?

– Он не скажет.

– Он не скажет. Он ничего не говорит.

– Он помыкает нами. Он поднимает нас с постелей и заставляет сторожить, а потом оказывается, что и приходить не надо было.

– Мы сами пришли. Разве мы не сами пришли? Нужно быть справедливыми. Вот она снова кричит. Разве вам мало этого?

– А вы довольны?

– Я молчу. Я молчу и жду.

– Какая вы добрая!

Смеются. Крики становятся сильнее.

– Как она кричит! Как ей больно!

– Вы знаете эту боль? Точно разрываются внутренности.

– Мы все рожали.

– Как будто это не она. Я не узнаю голоса нашей приятельницы. Он такой мягкий и нежный.

– А это скорее похоже на вой зверя. Чувствуется ночь в этом крике.

– Чувствуется бесконечный темный лес, и безнадежность, и страх.

– Чувствуется одиночество и тоска. Разве возле нее нет никого? Почему нет других голосов, кроме этого дикого вопля?

– Они говорят, но их не слышно. Вы замечали, как одинок всегда крик человека: все говорят, и их не слышно, а кричит один, и кажется, что все другое молчит и слушает.

– Я слышала раз, как кричал человек, которому смяло экипажем ногу. Улица была полна народу, а казалось, что он только один и есть.

– Но это страшнее.

– Громче, скажите.

– Протяжнее, пожалуй.

– Нет, страшнее. Здесь чувствуется смерть.

– И там чувствовалась смерть. Он и умер.

– Не спорьте! Разве вам не все равно?

Молчание. Крик.

– Как странно кричит человек. Когда самой больно и кричишь, ты не замечаешь, как это странно – как это странно.

– Я не могу представить себе рта, который издает эти звуки. Неужели это рот женщины? Я не могу представить.

– Но чувствуется, что он перекосялся.

– В какой-то глубине зарождается звук. Теперь это похоже на крик утопающего. Слушайте, она захлебывается!

– Кто-то тяжелый сел ей на грудь!

– Кто-то душит ее!

Крики смолкают.

– Наконец-то умолкла. Это надоедает. Крик так однообразен и некрасив.

– А вы и тут хотели бы красоты, не правда ли?

Старухи тихо смеются.

– Тише! Он здесь?

– Не знаю.

– Кажется, здесь.

– Он не любит смеха.

– Говорят, что Он смеется сам.

– Кто это видел? Вы передаете просто слухи: о Нем так много лгут.

– Он слышит нас. Будем серьезны!

Тихо смеются.

– А все-таки я очень хотела бы знать, будет ли мальчик или девочка?

– Правда, интересно знать, с кем будешь иметь дело.

– Я бы желала, чтобы оно умерло, не родившись.

– Какая вы добрая!

– Не добрее, чем вы.

– А я бы желала, чтобы оно было генералом.

Смеются.

– Вы уж слишком смешливы! Мне это не нравится.

– А мне не нравится, что вы так мрачны.

– Не спорьте! Не спорьте! Мы все и смешливы и мрачны. Пусть каждая будет, как она хочет.

Молчание.

– Когда они родятся, они очень смешные. Смешные детеныши.

– Самодовольные.

– И очень требовательные. Я не люблю их. Они сразу начинают кричать и требовать, как будто для них все уже должно быть готово. Еще не смотрят, а уже знают, что есть грудь и молоко, и требуют их. Потом требуют, чтобы их уложили спать. Потом требуют, чтобы их качали и тихонько шлепали по красной спинке. Я больше люблю их, когда они умирают, тогда они менее требовательны. Протянется сам и не просит, чтобы его укачивали.

– Нет, они очень смешные. Я люблю обмывать их, когда они рождаются.

– Я люблю обмывать их, когда они умерли.

– Не спорьте! Не спорьте! Всякой будет свое: одна обмоет, когда родится, другая – когда умрет.

– Но почему они думают, что имеют право требовать, как только родятся? Мне не нравится это.

– Они не думают. Это желудок требует.

– Они всегда требуют!

– Но ведь им никогда и не дают.

Старухи тихо смеются. Крики за стеной возобновляются.

– Опять кричит.

– Животные рожают легче.

– И легче умирают. И легче живут. У меня есть кошка: если бы видели, какая она толстая и счастливая.

– А у меня собака. Я ей каждый день говорю: ты умрешь! – а она осклабляет зубы и весело вертит хвостом.

– Но ведь они – животные.

– А это – люди.

Смеются.

– Либо она умирает, либо родит. Чувствуются последние силы в этом вопле. Вытаращенные глаза...

– Холодный пот на лбу...

Слушают.

– Она родит!

– Нет, она умирает.

Крики обрываются.

– Я вам говорю...

Некто в сером (говорит звучно и властно). Тише! Человек родился.

Почти одновременно с Его словами приносится крик ребенка, и вспыхивает свеча в Его руке. Высокая, она горит неуверенно и слабо, но постепенно огонь становится сильнее. Тот

угол, в котором неподвижно стоит **Некто в сером**, всегда темнее других, и желтое пламя свечи озаряет его крутой подбородок, твердо сжатые губы и крупные костистые щеки. Верхняя часть лица скрыта покрывалом. Ростом Он несколько выше обычного человеческого роста. Свеча длинная, толстая, вправлена в подсвечник старинной работы. На зелени бронзы выделяется Его рука, серая, твердая, с тонкими длинными пальцами.

Медленно светлеет, и из мрака выступают фигуры пяти сгорбленных **Старух** в странных покрывалах и комната. Она высокая, правильно четырехугольная, с гладкими одноцветными стенами. Впереди и направо по два высоких восьмистекольных окна, без занавесок; в стекла смотрит ночь. У стен стоят стулья с высокими прямыми спинками.

Старухи (торопливо). Слышите, как забегали! Идут сюда.

– Как светло! Мы уходим.

– Смотрите, свеча высока и светла.

– Мы уходим! Мы уходим! Скорее!

– Но мы придем! Но мы придем!

Тихо смеются и в полумраке странными, зигзагообразными движениями ускользают, пересмеиваясь. С их уходом свет усиливается, но в общем остается тусклым, безжизненным, холодным; тот угол, в котором недвижимо стоит **Некто в сером** с горящей свечой, темнее других.

Входит **Доктор** в белом больничном балахоне и **Отец Человека**. Лицо последнего выражает глубокое утомление и радость. Под глазами синие круги, щеки впали, волосы в беспорядке. Одет очень небрежно. У Доктора очень ученый вид.

Доктор. До последней минуты я не знал, останется ли в живых ваша жена или нет. Я употребил все искусство и знание, но наше искусство значит так мало, если не приходит на помощь сама природа. И я очень волновался, у меня и сейчас так бьется пульс. Уже стольким детям я помог явиться на свет, но и до сих пор я не могу отделаться от волнения. Но вы не слушаете меня, сударь.

Отец человека. Я слушаю, но ничего не слышу. До сих пор у меня стоит в ушах ее крик, и я плохо понимаю. Бедная, как она страдала! Безумный, глупый, я так хотел иметь детей, но теперь я отказываюсь от этого преступного желания.

Доктор. Вы еще позовете меня, когда родится у вас следующий.

Отец. Нет, никогда. Мне стыдно сказать, но я сейчас ненавижу ребенка, из-за которого она столько страдала. Я даже не видал его, какой он?

Доктор. Он хорошо упитанный, крепкий мальчик и, если не ошибаюсь, похож на вас.

Отец. Похож на меня? Как я счастлив! Теперь я начинаю любить его. Мне всегда хотелось, чтобы у меня родился мальчик и был похож на меня. Вы видели: у него такой нос, как мой, не правда ли?

Доктор. Да, нос и глаза.

Отец. И глаза? Это так хорошо! Я вам заплачу больше, чем назначил.

Доктор. Вы должны мне заплатить особо за щипцы, которые я накладывал.

Отец (обращаясь к тому углу, где неподвижно стоит Он). Боже! Благодарю тебя за то, что ты исполнил мое желание и дал мне сына, похожего на меня. Благодарю тебя за то, что не умерла моя жена и жив ребенок. И прошу тебя: сделай так, чтобы он вырос большим, здоровым и крепким, чтобы он был умным и честным и чтобы никогда не огорчал нас: меня и его мать. Если ты сделаешь так, я всегда буду верить в тебя и ходить в церковь. Теперь я очень люблю моего сына.

Входят родственники. Их шестеро. Необыкновенно толстая **Пожилая дама** с отвисшим подбородком и маленькими надменными глазками, чрезвычайно важная и гордая. **Пожилой господин**, ее муж, очень длинный и необыкновенно худой, так что платье висит на нем. Козлиная острая борода, длинные, до плеч, гладкие, точно намоченные, волосы и очки; смот-

рит испуганно и в то же время поучительно; в руке держит шляпу – низкий черный цилиндр. **Молоденькая девушка**, их дочь, с наивно вздернутым носиком, мигающими глазами и открытым ртом. **Худая дама**, имеющая крайне угнетенный и кислый вид; в руках держит носовой платок и часто вытирает им рот. **Двое юношей** совершенно торжественных; необыкновенно высокие воротнички, вытягивающие шею, прилизанные волосы, выражение недоумения и растерянности. Все указываемые свойства в каждом из обладателей их достигают крайнего развития.

Пожилая дама. Позволь, дорогой брат, поздравить тебя с рождением сына. (Целует его.)

Пожилой господин. Позволь, дорогой родственник, сердечно поздравить тебя с рождением столь долго ожидаемого сына. (Целует.)

Остальные. Позвольте нам, дорогой родственник, поздравить вас с рождением сына. (Целуют.)

Доктор уходит.

Отец (очень растроганный). Благодарю вас! Благодарю вас! Все вы очень хорошие, очень добрые и милые люди, и я очень люблю вас. Прежде я сомневался и думал, что ты, дорогая сестра, несколько занята собой и своими достоинствами, а вы, милый зять, несколько педантичны. И про остальных я думал, что они холодны ко мне и ходят только обедать, но теперь я вижу, что ошибался. Я очень счастлив: у меня родился сын, похожий на меня, и кроме того, я сразу вижу столько хороших, любящих меня людей.

Целуются.

Молодая девушка. Как вы назовете сына, дорогой дядя? Мне бы очень хотелось, чтобы это было красивое, поэтическое имя. Так много зависит от того, как зовут человека.

Пожилая дама. Я бы желала, чтобы это было простое и солидное имя. Люди с красивыми именами всегда очень легкомысленны и редко успевают в жизни.

Пожилой господин. Мне кажется, что вам, дорогой шурин, следовало бы наречь сына по имени какого-нибудь из старших родственников. Это продолжает и укрепляет род.

Отец. Да, мы с женой уже думали об этом, но не могли решить. Вообще с рождением ребенка приходит столько новых мыслей и забот!

Пожилая дама. Это наполняет жизнь.

Пожилой господин. Это ставит прекрасную цель для жизни. Воспитывая ребенка, устраняя от него те ошибки, жертвой которых мы были, укрепляя его ум нашим собственным богатым опытом, мы таким образом создаем лучшего человека и медленно, но верно движемся к конечной цели существования – к совершенству.

Отец. Вы совершенно правы, уважаемый зять. Когда я был маленьким, я очень любил мучить животных, и это развивало во мне жестокость. Моему сыну я не позволю мучить животных. Уже будучи взрослым, я часто ошибался в дружбе и любви: избирал недостойных друзей и вероломных женщин. Моему сыну я объясню...

Доктор (входит и громко говорит). Сударь, вашей жене очень плохо. Она хочет видеть вас.

Отец. Ах, боже мой! (Уходит вместе с доктором.)

Родственники садятся полукругом и некоторое время торжественно молчат. В углу, обратив к ним каменное лицо свое, неподвижно стоит **Некто в сером**.

Разговор родственников

- Ты не думаешь, милая жена, что наша родственница может умереть?
- Нет, я не думаю это. Она очень нетерпеливая женщина и придает много значения своим болям. Все женщины рожают, и никто не умирает. Я сама рожала шесть раз.
- Но она так кричала, мама!
- Да, у нее на лице кровоподтеки от крика. Я обратил на это внимание!
- Это не от крика. Это оттого, что надо тужиться. Ты этого не понимаешь. У меня у самой были кровоподтеки, однако я не кричала.
- Одна моя знакомая, жена инженера, рожала недавно и тоже почти не кричала.
- Я не знаю жены инженера. Напрасно брат так беспокоится: нужно быть тверже и смотреть на вещи спокойнее. Я боюсь, что и в воспитание ребенка он внесет много фантазерства и распушенности.
- Он очень безвольный человек. У него у самого так мало денег, а он дает займы людям, не заслуживающим доверия.
- Вы знаете, сколько стоило для ребенка белье?
- Не говорите, меня так огорчает легкомыслие брата. Мы часто спорим с ним по этому поводу.
- А говорят, что бебе приносит аист. Какой же это аист!
- Молодые люди одновременно фыркают.
- Не говори глупостей. Я на твоих глазах родила пятерых, а я, слава богу, не аист.
- Молодые люди снова фыркают, а Пожилая дама продолжительно и строго смотрит на них.
- Ты должна заметить себе, что это предрассудок. Дети рождаются совершенно естественным путем, строго установленным наукой.
- Они теперь на новой квартире.
- Кто?
- Инженер и его жена. Старая квартира оказалась очень сырая и холодная. Несколько раз жаловались домовладельцу, но он не обратил внимания. По моему мнению, лучше маленькая квартира, но теплая, чем большая и сырая. В сырой квартире можно умереть от насморков и ревматизма.
- У одних моих знакомых тоже очень сырая квартира.
- И у моих тоже. Очень сырая!
- Теперь так много сырых квартир!
- Скажите, пожалуйста, я давно хотела у вас спросить: как выводятся жирные пятна со светлых материй?
- Шерстяной?
- Нет, с шелковой.
- Крики ребенка за стеной.
- Возьмите небольшой кусок чистого льда и хорошенько трите то место, где пятна. И когда хорошенько протрете, возьмите горячий утюг и прогладьте.
- Скажите, как просто! А я слыхала, что лучше борной водой.
- Нет, борной водой хорошо только для темных материй. А для светлых самое лучшее – лед.
- Скажите, пожалуйста, можно здесь курить? Я как-то никогда не думал, можно ли курить, когда только что родился ребенок?
- И мне никогда не приходилось. Как странно! На похоронах, я знаю, курить неприлично, но тут...
- Какие пустяки! Конечно, можно.

– Только куренье табаку вообще очень дурная привычка! Вы еще очень молодой человек, и вам следовало бы поберечь здоровье. В жизни так много случаев, когда здоровье необходимо.

– Но табак возбуждает.

– Поверьте мне, это очень нездоровое возбуждение. Я сам в молодости, когда был легкомыслен, злоупотреблял курением табаку...

– Мама, как он кричит! Как он кричит, мама! Он хочет молочка?

Молодые люди фыркают. Пожилая дама строго смотрит на них.

Опускается занавес

Картина вторая Любовь и бедность

Все залито ярким, теплым светом. Большая, очень высокая и очень бедная комната. Совершенно гладкие светло-розовые стены, местами покрытые фантастическим и красивым сплетением сырых пятен. В правой стене два высоких восьмистекольных окна без занавесок; в них смотрит ночь. Две бедные кровати, два стула и непокрытый стол, на котором стоит полуразбитый кувшин с водою и прекрасный букет полевых цветов.

В углу, который темнее других, стоит **Некто в сером**. Свеча в Его руке убyla на одну треть, но пламя еще очень ярко, высоко и бело и бросает сильные блики на каменное лицо Его и подбородок. Входят **соседи**, одетые в яркие, веселые платья. Все руки у них полны цветов, травы, зеленых свежих веток дуба и березы. Разбегаются по комнате. Лица у всех простые, веселые и добрые.

Разговор соседей

- Как они бедны! Смотрите, у них нет ни одного лишнего стула...
- Ни занавесок на окнах...
- Ни картин на стенах...
- Как они бедны! Смотрите, они едят только черствый хлеб...
- И пьют только воду: холодную воду из студеного ключа!
- У них нет даже лишней одежды. Она всегда ходит в своем розовеньком платье, с голою шейкой, что делает ее похожей на девочку.
- А он в своей блузе и диком галстуке, что делает его похожим на артиста и заставляет злобно лаять на него всех собак...
- И вызывает недовольство всех порядочных людей!
- Собаки ненавидят бедняков. Я видел вчера, как три собаки напали на него, и он отбивался палкой, крича: «Не смейте касаться моих брюк! Это последние брюки!» И он смеялся, а собаки с оскаленными губами бросались на него и выли от злости.
- А я видела сегодня, как двое порядочных людей, господин и дама, испугались его и перешли на другую сторону. «Он сейчас попросит денег», – сказал господин. «Он нас убьет», – запищала дама, и они перешли на другую сторону, оглядываясь и держась за карманы. А он качал головой и смеялся.
- Он такой веселый!
- Они постоянно смеются.
- И поют!
- Это он поет. Она танцует.
- В своем розовеньком платье, с голенькой шейкой.
- На них приятно смотреть: такие они молодые и славные.
- А мне их жалко: ведь они голодны. Понимаете: голодны.
- Да, это правда. У них было больше мебели и платья, но они все продали. И теперь им нечего уже продавать.
- Я помню, у нее такие красивые серьги, и она их продала, чтоб купить хлеб.
- А у него был красивый черный сюртук, в котором он венчался, и он продал его.
- У них остались только обручальные кольца. Как они бедны!
- Это ничего. Это ничего. Я сам был молод и знаю это.
- Что ты говоришь, дедушка?
- Это ничего. Это ничего.
- Смотрите, дедушке захотелось петь, думая о них.
- И танцевать!
- Смеются.
- Он такой добрый: он сделал моему мальчику лук и стрелы.
- А она плакала со мной, когда была больна моя дочь.
- Он помог мне поставить упавший забор. Крепкий паренек!
- Приятно иметь таких хороших соседей. Их молодость согревает нашу холодную старость, их беззаботность прогоняет наши заботы.
- Но их комната похожа на тюрьму: она так пуста.
- Нет, она похожа на храм: в ней так светло!
- Смотрите, у них на столе цветы. Это она собрала, гуляя по полю в своем розовеньком платье, с голенькой шейкой. Вот ландыши! На них еще не высохла роса.
- Вот красная горячая смолка!
- Вот фиалки!

– Вот простая зеленая травка!
– Не трогайте, девушки, не трогайте цветов. На них ее поцелуй – не уроните их на землю; на них ее дыхание – не сдуйте его вашим дыханием. Не трогайте, девушки, не трогайте цветов!
– Он придет и увидит цветы!
– Он возьмет поцелуй.
– Он выпьет ее дыхание...
– Как они бедны! Как они счастливы!
– Пойдемте! Пойдемте отсюда!
– Но неужели мы ничего не принесли нашим милым соседям! Это было бы так плохо!
– Я принесла бутылку молока и кусок белого, пахучего хлеба. (Ставит на окно.)
– А я мягкой и нежной травы: когда рассыпать ее по полу, то становится как на цветущем лугу, и пахнет весной. (Рассыпает.)
– А я цветов! (Разбрасывает их.)
– А мы березовых и дубовых веток с зелеными листьями: если убрать ими стены, то становится похоже на зеленый веселый лес!
Убирают комнату, загораживая темные окна, закрывая листьями розовую наготу стен.
– А я хорошую сигару. Она очень дешевая, но крепкая и пахучая, и от нее бывает приятный сон. (Кладет на окно.)
– А я розовую ленточку. Если повязать ею волосы, то становишься такой нарядной и красивой. Мне подарил ее возлюбленный, но у меня так много лент, а у нее ни одной. (Кладет туда же.)
– А что же ты, дедушка? Разве ты ничего не принес?
– Я ничего. Я ничего. Я принес только мой кашель. Но этого им не нужно. Правда, сосед?
– Как и мои костыли... Эй, девушки, кому нужны мои костыли?
– Помнишь, сосед?..
– А ты, сосед, помнишь?..
– Пойдем-ка, сосед, спать. Уже поздно.
Вздыхают и уходят, один покашливая, другой постукивая костылями.
– Пойдемте! Пойдемте!
– Дай бог им счастья: они такие хорошие соседи!
– Дай бог, чтобы всегда они были здоровы и веселы и любили друг друга. И чтобы не пробегала между ними противная черная кошка!
– И чтобы нашлась молодчику работа. Плохо, когда у человека нету работы.
Уходят. Тотчас же входит **Жена Человека**, очень красивая, грациозная, нежная, с цветами в пышных полураспущенных волосах. У нее очень грустный вид. Садится на стул, складывает на коленях ручки и грустно говорит, обращаясь к зрителям.
Жена человека. Я сейчас ходила в город и искала – не знаю, чего я искала. Мы так бедны, у нас нет ничего, и нам очень трудно жить. Нужны деньги, а как их достать – я не знаю. Если просить у людей – не дадут: отнять – у меня нету силы. Я искала работу, но и работы мне не дают, говорят, что людей много, а работы так мало. Я на дорогу смотрела: не уронит ли кто-нибудь из богатых свой кошелек, но или его не роняли, или уже поднят кошелек кем-нибудь более счастливым, чем я. И мне так грустно. Вот сейчас придет мой муж с поисков работы, усталый, голодный, а что я ему дам, кроме моих поцелуев? Но только ведь поцелуями сыт не будешь, нет. Мне так грустно, что хочется плакать.
Я могу очень долго не есть, и мне ничего, а он не может. У него большое тело, которое требует пищи, и когда он долго не ест, он становится такой жалкий, бледный, больной, раздраженный. Бранит меня, а потом целует и просит, чтобы я не сердилась. Но я никогда не сержусь, потому что очень люблю его. Мне только грустно.

Мой муж – очень талантливый архитектор, и я даже думаю, что он гениален. Его родители умерли очень рано, и он остался сиротой. Некоторое время после смерти родителей его поддерживали родственники, но так как он был всегда очень самостоятелен характером и резок, часто говорил неприятные вещи, не высказывал благодарности, то его бросили. Но он продолжал учиться, добывая средства уроками и часто голодая, и окончил высшую школу. Он часто голодал, мой бедный муж! Теперь он архитектор и делает чертежи прекрасных зданий, но никто их не берет, и многие глупые люди даже смеются над ним. Чтобы пробиться вперед, нужны покровители или удача, а у него нет ни покровителей, ни удачи. Вот и ходит он, разыскивая случая – какого-то случая, – а может быть, и на земле ищет денег, как я. Он очень еще молод и наивен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.